

Е. С. Сыщикова

Перевод как элемент лингвокультуры Испании XVI–XVII вв.

Сыщикова Екатерина Сергеевна, канд. филол. наук,
доцент Кафедры испанского языка МГИМО МИД России.
kateholms@rambler.ru

***Аннотация.** XVI–XVII столетия явились «золотым веком» в истории культуры Испании, что произошло во многом благодаря переводу. Посредством перевода в испанскую литературу проникли мотивы и формы лирической и эпической поэзии, сюжеты античных и итальянских пьес, рыцарский и пасторальный роман, жанр новеллы. Перевод позволил испанцам познакомиться с идеями гуманистов из разных стран Западной и Центральной Европы. Перевод способствовал обогащению испанского языка.*

***Ключевые слова:** перевод, история перевода, теория перевода, эксплицитный перевод, имплицитный перевод, литература, лингвокультура.*

Ekaterina Syshchikova

Translation as a part of linguoculture of Spain in the XVI–XVII centuries

***Abstract.** XVI–XVII centuries were the «golden age» in the history of Spanish culture, which was largely due to the translation. Through translation into Spanish literature, the motifs and forms of lyrical and epic poetry, the themes of ancient and Italian plays, the knightly and pastoral novel, the novel genre have penetrated. The translation allowed the Spaniards to get acquainted with the ideas of humanists from different countries of Western and Central Europe. The translation contributed to the enrichment of the Spanish language.*

***Keywords:** translation, translation history, translation theory, explicit translation, implicit translation, literature, linguoculture.*

Перевод — древнейший вид человеческой деятельности. Он столь же древен, как и само существование человечества, разделённого на культурно-языковые сообщества. На протяжении многовековой истории перевода не было недостатка в попытках как-то осмыслить этот процесс, выявить особенности его осуществления, выработать какие-то принципы и установки, которые бы помогали переводчикам справляться с трудностями, возникающими при его осуществлении. К середине XX в. процесс перевода стал объектом всестороннего научного исследования и начал оформляться в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Однако в последнее время перевод стал рассматриваться не только с лингвистической точки зрения, не только как процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке, но и как культурное, историческое и социальное явление, которое занимает значительное место в культурной истории народов, в их политических, социальных, идейных и психологических контактах. Не случайно многие исследователи истории и теории

перевода говорят о двух видах перевода — «эксплицитном», под которым понимается перевод как процесс и результат порождения конкретного текста, и «имплицитном», протекающем в сознании человека, слушающего или читающего текст на чужом для него, но известном ему языке. Имплицитный перевод скрыт от непосредственного восприятия, как и многое другое, что происходит в глубинах сознания; мы можем судить о нём лишь по фактам, которые, в конечном счёте, выходят на поверхность языкового и социального поведения человека и которые располагаются в очень широком диапазоне явлений — от фактов языковой интерференции до заимствования философских и политических идей и целых систем представлений. Имплицитный перевод незаметно и постепенно перестраивает языковое и культурное сознание, как отдельного человека, так и языкового сообщества [1].

Сказанное можно проиллюстрировать, рассмотрев особенности культурно-языковой ситуации в Испании в XVI–XVII вв., в эпоху Возрождения. Эту эпоху ещё называют «золотым веком», так как в это время необычайного расцвета достигла испанская культура, особенно испанская литература.

Возрождение явилось важным периодом в культурном и идейном развитии стран Западной и Центральной Европы. Родиной Возрождения стала Италия на рубеже XIII–XIV вв. Отличительной чертой этой эпохи было возникновение гуманистических представлений о мире и человеке. Схоластике и аскетическим церковным догматам средневековья гуманисты противопоставили земные, реальные устремления, светлый, оптимистический взгляд на мир, любовь к человеку и веру в его силу и красоту. Подтверждение своих взглядов передовые люди этого времени искали в культурном наследии античности. Позже, в XVI–XVII вв., эпицентром распространения эстетических концепций и течений мысли, а также ведущей державой в области литературы и искусства стала Франция. Это, разумеется, не умаляет значения того вклада, который внесли другие государства в развитие культуры рассматриваемой эпохи. Однако они выполняли, как правило, роль воспринимающей стороны, опираясь на опыт Италии, а затем Франции, и создавая на основе этого опыта свою собственную литературу и искусство.

В XVI в. одной из таких стран была Испания. Ранее, в средние века, Испания считалась ведущей державой в области литературы, искусства, науки. Переводческая деятельность арабских, а затем и христианских книжников, сделала эту страну связующим звеном между восточной (арабской, сирийской, персидской, индийской), а также и античными культурами, с одной стороны, и зарождавшейся культурой Западной Европы, с другой. Трудami этих людей многие произведения Аристотеля и Платона, Пифагора, Евклида и Птолемея, Галена и Гиппократ и многих других учёных и мыслителей классической древности стали сначала, в переводе на арабский, достоянием мусульманской цивилизации, а затем, в переводе на латинский — и христианской. Кроме того, в Испании переводились с арабского на латинский и собственные творения мусульманских учёных и философов, математиков и алхимиков, астрономов и географов, врачей и ботаников. Практически вся история естественных наук в средневековой Европе начиналась с этих переводов.

В эпоху Возрождения Испания отодвигается как бы на второй план, уступая первенство более передовым странам того времени, в частности, Италии, которая оказала значительное влияние на формирование культуры, и, прежде всего, литературы на Пиренейском полуострове. Это наглядно видно на примере испанской поэзии, которая позаимствовала итальянские формы стихосложения (сонет, элегия, эпистола), а также мотивы, выработанные итальянскими авторами, особенно мотивы любовной лирики Петрарки.

На развитие эпической поэзии Испании большое влияние оказала античная литература, которая рассматривалась как высокий образец, что, естественно, вызвало многочисленные попытки подражать ей, попытки создать поэму в духе старых эпических поэм, поэм Гомера и Вергилия.

Если говорить об испанской прозе эпохи Возрождения, то и она ощутила на себе влияние литературы других стран. Это относится, прежде всего, к рыцарскому роману, одному из основных жанров испанской литературы XVI в. В Испании он пережил эпоху расцвета на три столетия позже, чем во Франции, Германии и Англии. Поэтому главными образцами для создателей испанских рыцарских романов служили произведения французских, немецких и английских авторов.

В XVI в. переживает расцвет и пасторальный роман, в котором в идеализированном виде изображается жизнь пастухов на лоне природы вдали от общества. Как известно, различные жанры буколической (или пасторальной) поэзии восходят к античной литературе. В Греции

это буколические поэмы Феокрита, Биона; в Риме — буколики Вергилия. В эпоху Возрождения в буколическом духе писал Боккаччо. Однако испанская пастораль непосредственно опиралась на «Аркадию» итальянского поэта Саннадзаро, вышедшую в свет в 1502 г. Пастораль эта сразу получила известность за пределами Италии. Она была переведена на испанский язык и послужила образцом для подражания авторам испанских пасторальных романов [2].

В конце XVI в. появились и так называемые мавританские романы. В них арабы изображались в виде галантных рыцарей, которые прислуживают своим дамам и сражаются на поединках, чтобы отстоять свою родовую честь. В основу многих мавританских романов ложились исторические хроники, написанные арабскими авторами.

В итальянской литературе эпохи Возрождения широкое развитие получила новелла. Там возникла целая школа во главе с Боккаччо. Итальянские новеллы и фацеции (жанр короткого смешного рассказа) проникли в Испанию. Появились и многочисленные подражания им.

Увлечение античностью в эпоху Возрождения, естественно, породило интерес и к античной драматургии. Образцами для испанских драматургов XVI в. были, прежде всего, трагедии римского поэта Сенеки и комедии Теренция и Плавта. Главным авторитетом для них был Аристотель, на основе «Поэтики» которого они создавали правила своего искусства. Однако драматурги также опирались на пьесы итальянских авторов. Так, например, Лопе де Вега (1562—1635) черпал сюжеты для своих пьес и стихотворений из итальянской учёной гуманистической драмы и из комедий дель’арте (в них обычно изображались юноша и девушка, которые любят друг друга, но которым мешают соединиться отцы и опекуны). Если говорить о стихотворных формах, используемых Лопе де Вега, то он часто включал в свои пьесы сонет, пришедший из Италии.

Таким образом, на поэзию и прозу Испании эпохи Возрождения большое влияние оказала культура других стран. Это влияние выразилось в гуманистическом характере испанской литературы XVI в., а также в заимствовании испанскими поэтами сюжетов, форм и жанров, распространённых в иностранной литературе. Такое взаимодействие культур разных народов происходило благодаря переводу, который в XVI—XVII вв. достиг небывалого расцвета.

Перевод имел большое значение не только для развития литературы в целом, но и для творчества отдельных испанских поэтов и писателей, большинство которых совмещали литературную деятельность с переводческой. Так, например, главную часть наследия крупнейшего поэта эпохи Возрождения Хуана Боскана (конец XV в. — 1542 г.) составили стихи, написанные в итальянских метрических формах: сонеты, канцоны, терцеты. В сонетах и канцонах он подражал Петрарке, которого много переводил.

Ещё одним поэтом-переводчиком XVI в. был Эрнандо де Акунья (начало XVI в. — 1580 г.), наибольшую известность которому принёс его стихотворный перевод поэмы «Спасённый рыцарь» (“Le Chevalier Délivré”) Оливера де ля Марше, выполненный по заказу Карла I.

Следует упомянуть также другого писателя Возрождения Хуана де Вальдеса (1500—1541). Он переводил работы знаменитого голландского гуманиста Эразма Роттердамского и немецкого реформатора Мартина Лютера, чьи идеи нашли отражение в его собственных произведениях, в частности, в сочинении «110 божественных суждений» (“Ciento y diez consideraciones divinas”).

Выше уже говорилось о роли перевода в творческой деятельности знаменитого испанского драматурга Лопе де Вега. Творчество другого, не менее знаменитого, писателя той эпохи Мигеля де Сервантеса Сааведры (1547—1616) также имело отношение к переводу, причём в разных аспектах. Речь идёт о его известном романе «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (“El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha”).

В главе IX первой части «Дон Кихота» Сервантес говорит, что то, о чём он пишет, является не его собственным произведением, а переводом «Истории дон Кихота Ламанчского, написанной Сидом Аметом Бененхели, арабским историком» [3, с. 77]. В главе XXII Сервантес уточняет, что Сид Амет был «арабским и ламанчским писателем» [3, с. 193] и на протяжении всего романа с большой похвалой отзывается о его писательском таланте. В главе III второй части бакалавр Самсон Карраско восхваляет одновременно и арабского историка, и его христианского последователя, то есть Сервантеса, который в «Дон Кихоте» несколько раз упоминается как «второй автор»: «Да благословит бог Сид Амета Бененхели, написавшего историю ваших великих дел, да и благословит он сугубо того любознательного человека, который взял на себя труд перевести её с арабского на наш народный кастильский для утехи всем людям на свете». И чуть ниже: «... мавр на своём языке, а христианин на своём постарались яркими красками описать нам изысканное сложение вашей милости ...» [3, с. 28—29].

По словам Сервантеса, он не сам перевёл историю, написанную Сидом Аметом, поскольку совершенно не знал арабского, но он ни разу не называет имени переводчика, хотя часто ссылается на его мнение, комментируя отдельные места романа. Конечно, не стоит серьёзно относиться к ссылкам Сервантеса на Сиду Амета и на неизвестного переводчика, поскольку доподлинно известно, что всё это не более, чем литературный приём, использованный Сервантесом для придания большей достоверности своей истории [4, с. 198]. Тем не менее, этот приём может быть интересен с той точки зрения, что он отразил всеобщее увлечение переводческой деятельностью в XVI в. и то влияние, которое эта деятельность оказывала на оригинальное творчество писателей и поэтов. Но в то же время существуют неоспоримые доказательства того, что, по крайней мере, отдельные фрагменты романа представляют собой не что иное, как перевод чужих произведений. Так, например, мадригал, который помещён в главе LXVIII второй части и который якобы сочинил Дон Кихот, является переводом мадригала, написанного итальянцем Пьетро Бембо в 1515 г. (вторая часть «Дон Кихота» вышла в свет веком позже, в 1615 г.) [5, с. 203–205]. Вот текст итальянского оригинала и его переводы на испанский и русский языки:

*Quand'io penso al martire, amor,
Che tu mi dai gravos'e forte,
Corro per gir' a morte
Così sperando i miei danni finire.
Ma poi ch'io giung'al passo
Che port'in questo mar pien di tormento
Tanto piacer ne sento che l'alma si rinforza
Ond'io no'l passo. [5, с. 205]*

*Amor, cuando yo pienso
en el mal que me das terrible y fuerte,
voy corriendo a la muerte,
pensando así acabar mi mal inmenso;
mas en llegando al paso
que es puerto en este mar de mi tormento,
tanta alegría siento,
que la vida se esfuerza, y no le paso.
Así el vivir me mata,
que la muerte me torna a dar la vida.
¡Oh condición no oída
la que conmigo muerte y vida trata! [5, с. 203–204]*

*Амур, едва представляю,
Как мучишь ты, жестокий и ужасный, —
И к смерти дух свой правлю,
Покончить с мукой, думая, всечастной.
Но, лишь коснусь предела,
Где пристань в буре тягостной готова, —
Вмиг радость овладела,
И жизнь крепчает, и живу я снова.
Вся жизнь — уничтоженье,
И только смерть вновь к жизни возвращает.
Вот странное явление,
Что вместе смерть и жизнь мне посылает! [3, с. 552]*

Отношение романа «Дон Кихот» к проблеме перевода проявилось и в другом. В романе содержится много высказываний о переводе как о ремесле и о тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться переводчикам. Так, в главе VI первой части, в которой рассказывается о «великом и потешном обследовании, которому священник и цирюльник подвергли библиотеку нашего хитроумного идалго», священник критикует перевод одной из поэм Ариосто, выполненный капитаном Херонимо де Уртеа, и относит свои упрёки ко всем переводам поэтических произведений: «... то же самое делают все, кто пытается переводить на другой язык

стихотворные произведения: ибо, как бы старательны и искусны ни были переводчики, им никогда не достичь той совершенной формы, в которой эти поэмы появились на свет», то есть в оригинале [3, с. 55].

Больше всего о переводе сказано в главе LXII второй части. Во время посещения одной из типографий Барселоны Дон Кихот встречается кабальеро, который «перевёл одну книгу с тосканского на <...> кастильский язык», и высказывает своё мнение о переводческой деятельности: «... мне кажется, что переводить с одного языка на другой, если только это не перевод с царственных языков — греческого или латинского, — то же, что рассматривать фламандские ковры с изнанки: хоть и видишь фигуры, они всё же затуманены покрывающими их нитями, и пропадает вся окраска и гладкость лицевой стороны, при этом перевод с лёгких языков так же мало требует ума или стиля, как переписка или снятие копий с бумаг. Я не делаю, однако, вывода из этого, что ремесло переводчика — мало похвальное занятие, ибо есть много других дел, худших и менее почтенных, которыми занимаются люди. Но всё сказанное мною не относится к двум замечательным переводчикам — доктору Кристобалью де Фигероа, переводчику «Верного Пастуха» и дон Хуану де Хауреги, переводчику «Аминты», творения коих таковы, что не знаешь, где перевод и где подлинник» [3, с. 513–514].

В отношении этого высказывания может возникнуть вопрос: представляет ли оно собой мнение самого Сервантеса о переводческом ремесле или отражает точку зрения одного лишь Дон Кихота? В последнем случае это высказывание было бы не более значимо, чем остальные фантазии хитроумного идальго. Однако существует большая вероятность того, что Сервантес устами своего героя выразил свои собственные взгляды на перевод. Дело в том, что переводы «Верного пастуха» (“Pastor Fido”, 1602 г.) Гуарини и «Аминты» (“Aminta”, 1607 г.) Тассо были опубликованы незадолго до выхода в свет «Дон Кихота» (1605 г. — первая часть, 1615 г. — вторая часть). Кроме того, Хуан де Хауреги был близким другом Сервантеса. Его имя упоминается не только в «Дон Кихоте», но и в поэме «Путешествие на Парнас», и в «Назидательных новеллах». Что касается испанского писателя и переводчика Кристобалья де Фигероа, то он приписал Сервантесу, а не Дон Кихоту это высказывание о переводе. Он очень резко раскритиковал Сервантеса за его пренебрежительное отношение к переводчикам с итальянского, не смотря на то, что тот с похвалой отозвался о переводе «Верного Пастуха»: «И хотя многие невежи с презрением относятся к этому занятию, оно достойно всяческого уважения» [4, с. 202].

В XVII в., в эпоху барокко, как и в эпоху Возрождения, в Испании было немало авторов, которые занимались не только литературным творчеством, но и переводческой деятельностью. Одним их выдающихся переводчиков того времени был Франсиско де Кеведо (1580–1645 гг.), который известен во всём мире как автор сатирических очерков под названием «Сновидения» (“Los sueños”, 1606–1622 гг.). Кеведо выступал также и в других жанрах литературы. Он написал плутовской роман, сочинял философские трактаты, был замечательным лириком.

Кеведо — автор многочисленных переводов с древнееврейского языка. Он выполнил стихотворный парафрастический перевод «Песни песней» (“Cántico de los Cánticos”), с этого же языка он перевёл «Плачи кастильских Иеремий» (“Lágrimas de Jeremías castellanas”), «Христианский Гераклит или игра на арфе в подражание Давиду» (“Heráclito cristiano o Harpa a imitación de David”), в прозе — первые две главы из «Книги Иова» (“Libro de Job”), в форме романса — третью главу «Книги Иова». Также Кеведо переводил с греческого языка. Его перу принадлежат переводы произведений Эпиктета, Фукидида, Анакреонта (“Anacreón Castellano con paráfrasis y comentarios”) и Плутарха (в частности, он перевёл первую часть «Жизни Марка Брута» — “Primera parte de la vida de Marco Bruto”). Из латинских авторов Кеведо переводил Луция Аннея Сенеку (“Suasorias Sexta y Séptima”, “Noventa Epístolas de Séneca, traducidas y anotadas”), Плиния (“Epístola XXII del libro VIII de Plinio, a Caio Geminio”). Кроме того, Кеведо перевёл две оды Катутллы (“Dos odas de Catulo”). Также Кеведо — автор переводов с французского и итальянского. Его перу принадлежит перевод с французского «Введение в религиозную жизнь» (“Introducción a la vida devota”) Св. Франциска Салезианского и перевод с итальянского «Ромула» (“Rómulo”) маркиза Вергилия Мальвецци [4, с. 142].

В XVI–XVII вв. перевод способствовал развитию не только испанской литературы, но и испанского языка. В ту эпоху испанский, как и многие другие европейские языки, называемые «вульгарными», ещё находился на стадии своего формирования и уступал «классическим» языкам — древнееврейскому, греческому и латинскому — в плане богатства словаря, форм, синтаксических конструкций, выразительных средств, стилистической обработки языка и т. д.

Переводя греческих и латинских авторов, испанские, итальянские, французские, немецкие и другие переводчики постоянно сталкивались с проблемой нехватки средств для верной передачи содержания оригинала, особенно если речь шла о трудах на научные и политические темы, поскольку в «вульгарных» языках практически отсутствовала научно-политическая терминология. В этих случаях переводчикам приходилось прибегать к неологизмам, заимствованиям, калькам, что способствовало обогащению языка перевода. Так, например, благодаря испанскому переводчику Педро Симону Абрилю (1530–1595 гг.), автору перевода «Этики» Аристотеля, в словарный запас испанского языка вошли такие политические термины, как «аристократия», «монархия», «плутократия», «олигархия», «демократия» [6, с. 70].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что XVI–XVII столетия, действительно, явились «золотым веком» в истории испанской культуры, что произошло во многом благодаря переводу. Посредством имплицитного перевода в испанскую литературу проникли новые мотивы и формы лирической и эпической поэзии, сюжеты античных и итальянских пьес, рыцарский и пасторальный роман, жанр новеллы. Благодаря переводу эксплицитному испанцы познакомились с идеями гуманистов из разных стран Западной и Центральной Европы, расширили свои познания в области античной истории, философии и литературы, получили представление о европейской литературе эпохи Возрождения, прежде всего, об итальянской литературе. Кроме того, перевод способствовал обогащению испанского языка, который в рассматриваемый период ещё находился на стадии своего становления. В связи с этим можно утверждать, что перевод является важным элементом лингвокультуры, под которой понимается пограничная область, лежащая между языком (понимаемым как система конкретного языка) и всей совокупностью культуры языкового сообщества. Говоря о роли перевода в истории человечества в целом и разных стран и народов в частности, важно не заимствование конкретной идеи или даже большой совокупности идей, каковой является философская система или религиозное учение — этим занимаются другие науки, — а заимствование стереотипов сознания, которые обязательно имеют присущий им языковой код, системно организованный набор языковых средств, который осваивается носителями иного языка и начинает работать как механизм языкового оформления идей, сюжетов, мыслительных операций, возникающих на этой новой почве.

Литература / References

1. *García Yebra V.* Traducción y enriquecimiento de la lengua del traductor. — Madrid, Gredos, 2004, 194 p.
2. *Lafarga, Francisco; Pegenaute, Luis.* Historia de la traducción en España. — Salamanca, 2004, 872 p.
3. *Сервантес Сааведра, Мигель де.* Хитроумный Идальго Дон Кихот Ламанчский // Ч. I–II. Перев. с исп. под ред. Б. А. Кржевского и А. А. Смирнова. — Рига, Латгосиздат, 1951. — С. 25–552.
4. *García Yebra V.* Traducción: historia y teoría. — Madrid, Gredos, 2004, 194 p.
5. *Igual Ubeda A.* El siglo de oro. — Barcelona, Seixas Barral, 1951, p. 203–205.
6. *Lafarga, Francisco; Pegenaute, Luis.* Diccionario histórico de la traducción en España. — Madrid, Gredos, 2010, 1232 p.